

БРОШЕННАЯ В БЕЗДНУ

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА

ОРХАН КЕМАЛЬ

Матушка Алие, плотно закутавшись в шаль, ожидала трамвая. В руках у нее были покупки — пирзола и халва с фисташками. Поднялся сильный ветер. Снег кружил в воздухе. Было холодно.

На трамвайной остановке гудела и топталась, пытаясь согреться, толпа народу. Здесь были рабочие, большие и маленькие — мужчины, женщины и дети, торговцы с лотками и разный другой люд. Каждый порыв ледяного ветра исторгал из толпы ярые стоны. Все вокруг оглашалось проклятиями.

Матушка Алие не замечала ледяного ветра, не слыхала ни шума, ни ругани. Она продолжала жить в мире грез. Когда Назан согласится, они сразу купят несколько чулочных машин и пока поставят их прямо в комнате. Она не боялась хозяина дома. Достаточно сунуть этому старому скряге несколько курушей, и он станет мягким, как воск... Жильцы, конечно, начнут жаловаться: «Машины шумят! Покоя нет!» Но на них можно не обращать внимания! Тем, кто будет скандалить, хозяин скажет: «Не хотите — можете убираться из моего дома!» Кое-кто, пожалуй, съедет с квартиры, а остальные подожмут хвост и будут молчать. «Ах, — думала матушка Алие, — если уж луна за мной пойдет, так звезды сами прицепятся...»

Она вдруг очнулась — к остановке подошел пустой трамвай. Матушка Алие ринулась было к входной двери, но какие-то нахальные парни оттолкнули ее. Вокруг, словно муравьи, сновали люди. Ее толкали со всех сторон.

— Что вы творите! Совсем перестали почитать старших! — кричала матушка Алие. Ее подбородок, усеянный пучками седых волосков, дрожал от гнева. Трамвай быстро заполнился до самых ступеней.

Она была в отчаянии. Наконец кое-как с помощью кондуктора ей удалось забраться в вагон.

Простояв всю дорогу на ногах, вконец измученная и вспотевшая, матушка Алие с трудом протолкалась к двери и вышла на площади Бейязыт. Здесь она наконец перевела дух. Поправив съехавшую шаль и закутавшись поплотнее, она зашагала к дому.

— Сегодня вы очень задержались, тетушка, — проговорила Назан, встречая ее в дверях и забирая из рук свертки.

«Как же, тащилась бы я в такую погоду в Бахчекапы, если бы не твой перстень», — подумала матушка Алие. При свете газовой лампы, едва освещавшей комнату, она выглядела совершенно измученной.

— Что поделаешь, дитя мое, я ведь для тебя старалась.

— Для меня? — удивилась Назан.

— Я ездила к ходже Бекиру, чтобы купить тебе халву с фисташками...

Назан очень обрадовалась. Ей захотелось обнять и расцеловать тетку, но, как всегда, она постеснялась.

— Спасибо! — только и сказала она.

Старая женщина, зная характер племянницы, ничего иного и не ожидала. Да она вовсе и не нуждалась в благодарности. Лишь бы Назан согласилась продать перстень для угля!

— Принеси-ка корзину для угля? Не нужно — я уже

купила.

— Купила? Сама пошла и купила?

— Да.

Старуха ничего не сказала, но подумала, что племянница поступила опрометчиво. Ведь она молода, красива, привлекательна, а в лав-

**КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО**

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 за 1965 год.

ке угольщика Касыма всегда полно прощались зрде Волка Джелыла и Акулы Ихсана.

Назан между тем принесла уголь и разожгла мангал. В комнате стало тепло и уютно. «Все-таки хорошо, что приехала племянница, — думала матушка Алие. — Если она еще перестанет упрямиться и продаст перстень... Вот тогда начнется настоящая жизнь!»

Мечты матушки Алие не сбылись. Сами сделал Назан своей любовницей.

— Хочешь, сходим к тетке за твоим чемоданом, — как-то предложил Сами. Нет, Назан не хотела и слышать об этом. Прошлого больше не существовало. Отныне и до конца своих дней она — женщина, отверженная всем светом. Муж и сын стали для нее каким-то далеким, священным воспоминанием. Она считала, что одним только своим существованием уже бросает тень на их чистую жизнь. Нет, она не имела права даже напоминать им о себе! Быть может, в те дни Назан покончила бы с собой, но ее привязывала к жизни мысль о сыне.

И вот, точно так же, как в доме Мазхар-бея, Назан стала у Сами не хозяйкой, а прислугой. На ее голову свалились все заботы по дому. Надо было вести хозяйство, содержать все в чистоте и порядке. Появился мужчина, который распоряжался ею, нередко осыпал бранью, а иногда швырял на кровать и утолял свое желание...

Но Сами охотно уступал ее и другим. А ей было все равно — он ли, другой, третий, сотый... Назан все больше опускалась и неведомо как к ней прилепилось прозвище Спущенный чулок. Однако было в ней что-то влекущее, возбуждавшее страсть у мужчин. «Ну и вид у тебя, девица! Хоть бы красоту навела!» — говорили ей иногда. В ответ она лишь горько усмехалась. И снова уходила в себя.

...В тот год весна наступила в Стамбуле только в последние дни мая. Внезапно все вокруг расцвело, и люди устремились за город, на лоно природы, торопясь погреться на солнышке. Но Назан видела весеннее небо только в те короткие минуты, когда развешивала белье на террасе.

— Да продлятся твои дни, Назан, — сказал ей однажды Сами. Она задрожала, как лист, подхваченный ветром. — Вчера ночью скончалась Несрин!

В первый момент Назан почувствовала облегчение. На лице появилось выражение радости. Но через миг оно стало сумрачным. Брови ее наморщились, и по длинным ресницам скатились две слезинки.

— Бедная, бедная Несрин!

Сами закурил сигарету.

— Бедная? Несчастная? Да ты во сто крат несчастнее ее! К ней хоть пришло избавление.

Несчастья продолжали обрушиваться на Назан. Сами был фальшивомонетчиком, и за ним давно охотилась полиция. В руки блюстителей порядка попали и Назан. Женщину отправили в тюрьму, и весть об этом дошла до Мазхара.

— Я, и только я, виноват во всем! — кричал Мазхар-бей, заламывая руки.

Нериман испугалась его отчаяния.

— Но это судьба! Перст божий, — уговаривала она мужа. Он ничего не хотел слушать. Он слишком хорошо знал характер своей бывшей жены. И как только он мог так поспешно выпроводить Назан из дому!..

Могло случиться, что она не нашла в Стамбуле тетку и осталась на улице! А может, именно тетка и толкнула ее на этот путь? Ведь это совсем про-

стая женщина, работница табачной фабрики. Наконец, ее друзья... Среди них могли быть и такие, которые совсем сбились с пути. А Назан так безвольна — куда толкнут, туда и пойдет.

Но как бы то ни было, виноват он, только он!

Мазхар вспомнил, как много лет назад они жили с Нихатом Янъялы в плохонькой комнатенке на узенькой улочке Сулеймание, где теснились домишки с покосившимися кровлями. Вспомнил юную соседку, которая подметала задний дворик, не замечая его влюбленных глаз. Она выглядела такой робкой, несмелой... Для чего же понадобилось ему свести с ума это кроткое создание, а потом вышвырнуть его на улицу? Не ворвался он в жизнь Назан, быть может, она вышла бы замуж за какого-нибудь мелкого лавочника или ремесленника. такого же простолюдина, как сама, и не дошла бы до этого кошмара...

В их городке стамбульские газеты читал не один Мазхар. И хотя ни он, ни Нериман никому не сказали о беде, постигшей Назан, слух о ее аресте распространился с молниеносной быстротой. Повсюду только и говорили об этом.

Мазхар перестал ходить в контору, не показывался в суде и с помощью своего друга Нихата перенес на полтора-два месяца слушание всех подготовленных дел. Целыми днями он слонялся по дому, погруженный в тяжелые раздумья.

Особенно его угнетала мысль о Халдуне. Сейчас малыш ни о чем не ведает, занят своими игрушками и вполне счастлив. Но ведь когда-нибудь он подрастет, поумнеет и захочет узнать о судьбе своей матери. И люди скажут, что он сын «дурной женщины». Какая страшная тень ляжет на всю его жизнь! Сколько ему предстоит унижений! Постоянно будет он ощущать какую-то вину перед обществом, сознавая в то же время, что ни в чем не виновен.

Мазхар вновь и вновь перебирал в уме возможные последствия трагедии Назан и каждый раз приходил к выводу, что он единственный виновник всего случившегося.

Однажды, будучи не в силах более терпеть эту пытку, он сказал другу:

— Да, я виноват! Понимаю. Но ведь не сам же я создал себя таким?

Нихат, теперь почти не оставлявший его одного, тотчас же ответил уверенно:

— Нет, виновен не ты.

Мазхар пылливо посмотрел на него.

— Быть может, ты хочешь сказать, что это судьба, что так у нее на роду написано?

— Конечно. Я в этом убежден!

— «Рок», «судьба», «предначертания!» По правде говоря, Нихат, такие рассуждения кажутся мне чистейшим ханжеством. Я вовсе не собираюсь снимать с себя ответственность за свои поступки с поумолимый рок, если каждому назначена его судьба, то зачем тогда ад и рай на том свете, полиция и суд — на этом? Предположим, я разбираю дело какого-нибудь убийцы и отправляю его на виселицу. Но в таком случае я, следуя твоей логике, поднимаю бунт против веления рока. Не так ли? Почему же тогда этот самый рок возмещает одних и низводит до падения других?

— Видишь ли, поскольку и сам судья не более чем человек, он исполняет предназначение судьбы, того самого извечного рока.

— Допустим, ты прав. Однако если судьба не чертана у человека на лбу, то кто же тогда прав — я или аллах?

— Все по-своему правы. И ты и аллах.
— И убийца?
— И убийца.
— А убитый? Ему тоже предначертано быть убитым?

— Да, предначертано.
— В таком случае не существует ни преступлений, ни преступника, ибо чему быть, того не миновать! Вот к какому выводу приводят подобные рассуждения.

Такие споры они вели между собой по целым дням. Это немного отвлекало Мазхара от мрачных мыслей. Но когда не было Нихата, даже Нериман ничего не могла с ним поделаться. Его давила черная тоска. Особенно тяжело было по ночам.

Большой дом адвоката притих. Нарядные комнаты, в которых еще недавно толпились расфранченные гости, стояли пустые. Даже Халдуну больше не покупали новых игрушек. Наверно, думал он, Милая мама и Милая тетя разлюбили его. Мальчик скучал. Однажды во сне он увидел мать, и весь день был очень задумчив. Ночью ему опять приснилась мать. Почему же, думал ребенок, она так долго не приезжает?

Однажды, когда Мазхар не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, он обнял проснувшуюся жену и сказал:

— А знаешь, что мы сделаем?
— Что же?
— Возьмем Халдуна и поедem в Стамбул все вместе!

В ту ночь Мазхар обрел бодрое состояние духа.

На следующий день Нихат, взглянув на вошедшего в контору друга, изумился — перед ним был прежний Мазхар. Когда же он узнал о принятом решении, то обрадовался не менее самого Мазхара.

— Браво, браво! Признаться, другого от тебя и не ожидал. Не далее как вчера я уверял жену, что тот Мазхар, который мне дорог, не может отстраниться от участия в судьбе Назан. Как я говорил — так и вышло. Все складывается отлично...

Внезапно дверь кабинета распахнулась, и на пороге показался маленький тщедушный человечек по имени Тейфик, прозванный Одержимым. Это был вконец опустившийся алкоголик, не раз приходивший в контору требовать денег на раки. Если ему отказывали, Тейфик ругался на чем свет стоит. Он вел себя подобным образом повсюду, не делая исключения даже для губернатора. Такой уж был у него характер. Но ему все сходило с рук. Напротив, многие любили его подзадорить и весело смеялись, когда он начинал браниться.

Решив, что Одержимый Тейфик, как обычно, пришел за деньгами, Мазхар начал рыться в жилетном кармане.

— Оставь при себе свои грязные деньги, негодник! Разве я просил у тебя взаймы?

— А зачем в таком случае ты пришел? Но сегодня Тейфик выглядел необычно серьезным. Поманив к себе пальцем Мазхара, он сказал:

— Ну-ка подойти ко мне!
Мазхар подошел.
— Если не будешь допытываться, как, откуда, кто, то я сообщу тебе важное известие.

— Плохое?
— Да, плохое. Ты должен быть осторожен!
— Это еще почему?
— Потому что иначе тебя убьют!
У Мазхара екнуло сердце, но он и виду не подал.

— Кто же?
— Не допытывайся, я предупреждал...

— Ты серьезно говоришь, Тейфик, или просто болтаешь?

— А разве ты слышал когда-нибудь, чтобы я лгал? Тебя хотят убить. Вот и все. А теперь выкладывай деньги на раки!

— Что тебе нашептал Одержимый? — спросил Нихат, когда Тейфик ушел.

Мазхар вздохнул и грустно посмотрел на друга.
— Он сказал, будто меня собираются убить.

Нихат расхохотался:

— И ты поверил этому типу?

Но Мазхар не склонен был превращать все в шутку. Неспроста это. Тейфик слонялся по всему городу, частенько бывал и у фабриканта Шекир-паши, против которого Мазхар вел дело. Может, тот действительно что-то замышляет?

— Лучше скажи, когда собираешься ехать.

— Куда?

— В Стамбул, дорогой!

— А-а-а! В самые ближайшие дни. Может, в конце недели.

— До конца недели еще целых пять дней. Было бы лучше, если бы ты не мешкал и уехал, скажем, послезавтра. А сына можно оставить у нас.

* * *

Мазхар посмотрел на часы, на темноту за окном, закурил сигарету.

— Как ты думаешь, лег уже спать Халдун?

— А который час?

— Десятый.

— Он всегда ложится в это время. Но сегодня, быть может, еще не спит. Наверно, Хикмет-ханым и Нихат-бей ему что-нибудь рассказывают.

— Следовало ее предупредить, чтобы она не проговорила при Халдуна о его матери.

— Я предупредила. Но и без того она, конечно, ничего бы не сказала.

Они немного помолчали, потом Нериман заговорила:

— Меня очень тревожит то, о чем говорил Одержимый Тейфик. Ах, Мазхар! Послушай меня хоть раз в жизни — брось это дело против Шекир-паши!

— Ты, наверно, права, женушка. Но это вопрос принципа. Я не могу отступить.

— А вот Нихат-бей...

— Я не Нихат и не могу думать так, а поступать иначе. Если бы я не был членом Народной партии, фабрикант уже давно свел бы со мной счеты или, по крайней мере, попытался бы это сделать. Но моя принадлежность к партии является для него некоторой преградой. Это, конечно, не значит, что застрахован от попыток... Быть может, в один прекрасный день со мной расправятся — и концы в воду!

— Ничего они с тобой не сделают.

Мазхар бросил сигарету.

— Я хотел тебе только сказать о его намерениях. Но не утверждаю, что они осуществляются. Сейчас весь вопрос в том...

— В том, чтобы не допустить какой-нибудь оплошности — вот и все. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

(Окончание следует)

Перевели с турецкого
Ю. Плотников и С. Стеркина